

ИРИНА МАЛЫШКО

ВОЙНА МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА

Ирина Малышко

Война маленького человека

«Фолио»

2016

ББК 84(4УКР)

Мальшко И. И.

Война маленького человека / И. И. Мальшко — «Фолио», 2016

ISBN 978-966-03-7600-7

Эта книга — не повесть о войне, не анализ ее причин и следствий. Здесь вы не найдете четкой хроники событий. Это повествование не претендует на объективность оценок. Это очень экзистенциальная история, история маленького человека, попавшего в водоворот сложных и страшных событий, которые происходят в Украине и именуются в официальных документах как АТО (антитеррористическая операция). А для простых жителей все происходящее называется более понятным словом — война. Это не столько история о войне, хотя она и является одним из главных героев повествования. Это история в первую очередь о семье и человеческих судьбах, преемственности поколений, о выборе и доме, о важности всего того, что в нормальной жизни кажется обыденным и значимость чего мы начинаем осознавать, лишь утратив.

ББК 84(4УКР)

ISBN 978-966-03-7600-7

© Мальшко И. И., 2016

© Фолио, 2016

Содержание

Вместо предисловия	6
Вступление. Четыре истории	7
История первая. Осада крепости	8
Сон	8
«Русская весна»	10
Матч-Пойнт	18
Завтра была война	24
Странное лето 2014-го	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Малышко

Война маленького человека

© И. И. Малышко, 2016

© Е. А. Гугалова, художественное оформление, 2016

В книге использованы фотографии автора

*Посвящается памяти моего отца, доктора технических наук,
профессора, Малышко Ивана Александровича*

Вместо предисловия

То, что предстоит вам прочесть, – это не повесть о войне, это не анализ ее причин и следствий. Здесь вы не найдете четкой хроники событий. Мое повествование не претендует на объективность оценок. Это – очень экзистенциальная история, это история «маленького человека», попавшего в водоворот сложных и страшных событий, которые происходят в нашей стране и именуются в официальных документах как АТО (антитеррористическая операция). А для нас, простых жителей, все происходящее называется более понятным словом – война.

Думаю, я не одинока в своем желании рассказать о пережитом. Таких историй будет немало. Эта война стала для многих рубежом, разделившим жизнь на «жизнь до» и «жизнь после», и своими ощущениями захотят поделиться многие.

Это не столько история о войне, хотя она и является одним из главных героев моего рассказа. Это история в первую очередь обо мне, моей семье, о доме, о важности всего того, что в нормальной жизни кажется обыденным и на что порой мы не обращаем внимания.

Все, что вы прочтете здесь, – это заметки, собранные по мотивам моих постов в *Facebook'e*, который я когда-то назвала в шутку дневником моей памяти. Так и вышло. К моему глубокому сожалению, я мало записывала в самые трагические периоды и еще меньше фотографировала. Когда война становится частью твоей жизни, хочется от нее убежать, спрятаться за другими мирными делами. Поэтому очень многое осталось за кадром. Данный текст – это некий калейдоскоп воспоминаний, запечатлевшихся в моей памяти, порой чересчур личных, а порой настолько нереальных, что я сама их воспринимаю как кадры из какого-то фильма, чем нечто пережитое мною лично.

Вступление. Четыре истории

В качестве вступления сделаю небольшое отступление.

У Хорхе Луиса Борхеса есть отличная мысль о том, что в мире существуют всего четыре истории. Все они были рассказаны еще до нашей эры в мифах Древней Эллады. Историй четыре, и они широко известны – все, кроме последней. Точнее говоря, четвертую историю мы знаем в ее более поздней версии.

История первая – «поиск героя». Это знаменитый миф об аргонавтах, под предводительством Ясона отправившихся в путь за Золотым руном.

Вторая и третья истории – «взятие крепости» и «дорога домой» – описаны еще Гомером в «Илиаде» и «Одиссее» и повествуют о гибели Трои и приключениях Одиссея.

История четвертая – «гибель Бога». Смерть и воскрешение бога Диониса. В нашем мире стереотипов идею воскрешения бога связывают обычно с христианством, однако она имеет более древние корни. Но это я уже углубляюсь в свою профессиональную сферу.

Следуя мысли Борхеса, вся история человечества – лишь повторение и различная интерпретация этих четырех историй. Меняются только имена, места и временные промежутки.

Как-то, находясь уже в своем переселенческом путешествии, практически через год после моего отъезда из Донецка, когда часть пути уже была пройдена, я оказалась в Одессе. Был шторм, море бурлило. Прогуливаясь по пустынному пляжу, я почему-то вспомнила Борхеса и подумала, что в жизни любого человека, и не важно, мужчина ты или женщина, тоже есть четыре истории: поиск героя; возвращение домой; осада крепости. И наконец – гибель бога, когда в тебе умирает одна сущность и воскресает другая.

В древних культурах такой переход назывался инициацией. Инициация – это всегда преодоление, и боли в том числе. Это переход, причем переход на качественно новый уровень. В нашем современном мире таинство инициации давно утеряно. Поэтому переход на новый уровень мы часто воспринимаем исключительно как боль, упуская и не осознавая высший смысл этой боли.

В тот день, гуляя вдоль моря в Одессе, я впервые посмотрела на все, произошедшее со мной за весь период этих страшных событий, именуемых войной, как на инициацию, как на посвящение в высшем смысле этого слова.

История первая. Осада крепости

Сон

Шел ноябрь 2013 года. Я только что вернулась в Донецк после своей поездки в Москву, буквально перед началом наших страшных событий, так сложились обстоятельства. С Москвой у меня связаны практически десять лет жизни – там я училась в докторантуре, преподавала в одном из московских университетов, защитила докторскую диссертацию по философии. Я очень скучала по Москве и всегда с радостью использовала любую возможность, чтобы побывать там.

Поездка вышла насыщенной и очень удачной. Я успела встретиться практически со всеми друзьями, которых в Москве у меня было немало, посетить все свои любимые места. «Пушкинский», как всегда, был на первом месте в моем списке. С ним у меня связаны особо интимные отношения. Все годы моей непростой московской жизни он был моей главной антистрессовой программой. В этот приезд «Пушкинский» порадовал меня долгожданной выставкой викторианского авангарда прерафаэлитов.

И вот я, окрыленная, полная новых планов и надежд, возвращаюсь в Донецк, и мне снится сон. Я часто вижу диковинные сны, порой с настолько закрученным сюжетом, что и сам Хичкок позавидовал бы, недаром мы с ним родились в один день. На этот раз мне приснился сон в стиле увиденных мною воочию в Москве викторианских прерафаэлитов.

Бесконечно красивый луг с изумрудной травой, голубое небо, я в платье, как у Офелии на полотне Джона Эверетта Милле, рядом со мной пасется лошадь. Я вижу всю эту живописную картину как бы со стороны. Затем происходит что-то странное: кто-то берет меня за руки и отрезает их такими огромными щипцами. Я не чувствую боли – я по-прежнему вижу красивую картинку: изумрудную траву с вкраплениями милых цветочков и свои окровавленные конечности на этой прекрасной изумрудной траве. Потом некто привязывает меня к лошади, а ее пускает в галоп. Мы с лошадью несемся по зеленому и цветущему полю, а я думаю: «Зачем мне вообще нужна такая жизнь, если я без рук и не могу управлять этой чертовой лошадью?» Затем мы с лошадью прыгаем в обрыв, и я просыпаюсь в холодном поту.

Сон оказался вещим.

Через несколько дней наступило 30 ноября. Этот день стал неким рубиконом в жизни многих. Судьба моей семьи и судьба страны оказались переплетенными: смерть отца, Майдан, Крым, война – все это сплелось в один большой клубок. И вот уже пошел второй год, как я чувствую себя безрукой всадницей, привязанной к лошади, которая несется галопом. Вот уже второй год, как продолжается мое путешествие на галопирующей лошади под названием «Жизнь».

Я по природе своей человек глубоко асоциальный и аполитичный. Поэтому все предыдущие политические события, вплоть до 30 ноября, не отразились в моей голове. Я, как истинный представитель так любимого мною декаданса, в это время была увлечена изучением своей, еще более любимой философии традиционализма. У меня был канал в *Youtub'e* с моими видеолекциями, я даже стала «широко известна» в очень узких кругах. Я сидела на своем белом кожаном диване в своей квартире с картинами, привезенными из Киева, читала свои любимые философские книги, привезенные из Москвы, занималась йогой, ела органическую здоровую пищу, совершенно не употребляла спиртное и чувствовала себя практически счастливым человеком, очень далеким от политики.

Но ее величество «Жизнь» распорядилась иначе. 30 ноября на Майдане «беркутовцы» избili студентов, тысячи людей в Киеве вышли на улицу, 1 декабря произошли события у Рады.

И сразу после этого у моего отца случился третий инсульт. Папа жил Украиной. Когда говорят: «Україна понад усе!» – это о моем отце. Ее победы он переживал как свои, и поражения тоже. Он уже давно болел и был очень слаб, и все происходящее не могло не отразиться на его здоровье.

Начало Майдана я помню плохо: папа провел почти месяц в реанимации, мама была с ним, я носилась между домом и больницей. В себя он так и не пришел. Перед самым Новым годом нас из больницы отправили домой. А в ночь на Рождество папы не стало. И я потом практически каждый день говорила спасибо тому, чьей рукой все написано, – спасибо за то, что мой отец всего произошедшего после его смерти не видел.

Он не видел флагов чужого государства на улицах нашего города, он не слышал разрывов снарядов, не видел войну, пришедшую в так любимую им Украину. Перед ним не стоял выбор: бросить свой дом, уехать в никуда или остаться с новой, не приемлемой для него властью. Не видел расстрелянный снарядами сад своей мечты, любовно высаженный его руками. Не видел, как разваливается университет, которому он отдал всю свою жизнь. Он был лишен унижительной процедуры стояния в очередях за гуманитарной помощью, чтобы банально выжить. И еще более унижительной процедуры многократного переоформления своей научной пенсии, которой он так гордился. Он не простаивал днями в душных комнатухах перед кабинетами различных отделов соцзащиты вместе с другими несчастными стариками, не слышал многочисленных криков: «Сами донецкие виноваты», – а значит, и он.

Он жил Украиной, он в жил в Украине и умер в Украине.

Начиная с какого-то момента всех последующих событий я сама порой переставала верить в реальность происходящего, настолько все было неправдоподобно и сюрреалистично. Мне казалось, что все вокруг – просто дурной сон. Или я смотрю фильм, в котором играю главную роль. Фильм, сценарий которого постоянно переписывается и концовка еще не известна.

«Русская весна»

Я тяжело переживала уход отца. Мы были очень близки. Он был и другом, и единомышленником, и учителем. Как гласит народная мудрость, пока живы твои родители, ты – все еще ребенок. С уходом отца стало понятно, что мое слишком затянувшееся детство закончилось.

Будучи по природе человеком асоциальным, в тяжелые минуты я обычно ухожу глубоко в себя, перестаю общаться, избегаю людей. Но на этот раз обстоятельства и события, происшедшие вокруг, порой перекрывали мою душевную боль.

Всю зиму я, как и многие другие, провела в интернете. Все в стране жили Майданом – кто со знаком «плюс», кто со знаком «минус». События в Киеве держали в напряжении всех.

Моя докторская диссертация по философии была посвящена проблемам и анализу революций. В ней революция рассматривалась как точка бифуркации¹, после которой поведение системы становится непредсказуемым. Я знала теорию и прекрасно понимала последствия того, что происходило в стране. Я знала все теоретические предпосылки и обоснования неудач революций, которые, как известно, «готовят гении, делают романтики, а пользуются плодами – негодяи». Но в ту зиму я с замиранием сердца следила за происходящим в Киеве. Я была всем сердцем с теми, кто стоял там – на Майдане, забыв обо всех известных мне теоретических предпосылках и обоснованиях.

Ночное чтение новостей превратилось в привычку, от которой потом я не могла избавиться практически два года. Я стала просто спать с ноутбуком. Мир вокруг начал постепенно меняться. В какой-то момент я со своей жизненной позицией оказалась по сути одинокой в своем окружении. Многие мои донецкие друзья отдалялись. Мы были умными людьми. И на определенном этапе стало невозможно делать вид, что ты в упор не замечаешь расхождений во взглядах. Мы не ссорились. Мы просто разошлись по разные стороны баррикад. Так в нашу жизнь начал входить разлом, который с каждым днем становился все очевиднее. Мне еще повезло – я лишь потеряла друзей, с которыми были близка десятилетиями. А сколько распалось семей, сколько вокруг оказалось поломанных судеб!

Затем был страшный февраль. Бессонные ночи перед монитором. Я помню ощущение бесконечной рассветной радости, когда Майдан выстоял. А потом сообщения: 10 убито, 20, 40... Небесная сотня. И «Пливе кача» накрыла собой страну. На наших глазах рождалась история, частью которой были мы.

Неожиданно чудесное бегство Януковича. Киев бурлил. Ленины, практически по Хармсу, «все падали и падали». В Раде избрали новое правительство.

А у нас, в нашем тихом донецком болотце, все было относительно спокойно. Город жил своей привычной жизнью. Но не все так уж было гладко и в нашем «датском королевстве».

Перед памятником Шевченко гордо реял «жовто-блакитный» флаг донецкого Евромайдана. Помню, как-то зашла в самую модную и дорогую кондитерскую Донецка «Бассано». А там, на доске, вместо меню большими буквами написано: «Борітеся – поборете». И на входе – украинский флаг. Но это были редкие исключения. В транспорте повсюду слышались разговоры о пресловутых «бандеровцах», активно подогревавшиеся нашими местными политиками.

Страх перед мифическими «бандеровцами» у многих был действительно очень сильным. Соседи моей подруги поставили себе вторые двери, чтобы к ним эти пресловутые «бандеровцы» не прорвались в квартиру. И такие люди были не исключением в общих настроениях, царивших в городе.

¹ *Бифуркация* – это состояние системы, после которого возможно некоторое множество вариантов ее дальнейшего развития.

Плохие предчувствия витали в воздухе. Помню, в переписке со своей московской подругой я написала, что у нас все боятся войны. На что она ответила: «Он не решится». И мы без комментариев и объяснений поняли, кто «он».

А потом наступило 1 марта – начало «русской весны». Первые вертолеты полетели над Крымом. И Донецк был на очереди.

Я хорошо помню эту ночь, ночь перед 1 марта. Я увидела пост в *Facebook'e*, который написал мой старинный знакомый. Он призывал всех идти на «русскую весну» – на митинг на площади Ленина. Я знала этого человека очень хорошо: умный, прагматичный. И я хорошо понимала: если он оторвал свой идеально накачанный зад и вытащил его на улицу – значит, за всеми этими процессами стояли очень серьезные силы. А планируемый митинг на площади – это было уже нечто большее, чем просто обычные игрища наших местных политиков. Мне тогда впервые стало так страшно, что я разревелась перед монитором от собственного бессилия перед этой надвигающейся бедой, размеры которой я тогда еще даже не представляла.

Мало кто еще понимал уровень этой угрозы. Я помню, как по делам проходила мимо площади Ленина после очередного пророссийского митинга. Народ уже начал расходиться. Я рассмотрела этих людей. У каждого города есть своя мода. Донецкие ребята так не одевались. Что-то отличало этих парней, идущих с митинга, от наших, местных. Что-то было другое в их крепких спинах, уверенных походках. Вроде бы те же кожаные куртки, те же джинсы – но они были явно не наши, не местные. Город наполнился слухами, что это привезенные ребята из Белгорода и Ростова, что все гостиницы ими забиты. Я охотно верила в эти слухи. Они не противоречили тому, что я увидела.

События Крыма набирали полный оборот. Снова бессонные ночи в новостях. «Бельбек – наш... – не наш...»

Референдум в Крыму. «Крым – не наш».

Потом летом это сообщение стало перманентным – Ясиноватая, Иловайск, Саур-Могила, Дебальцево – «наши!!!!»... «не наши».

Весна прошла как-то незаметно. Каждые выходные город вымирал, местные жители прятались по домам, автобусы привозили какую-то гопоту, она бегала по городу с российскими триколорами, местные в ужасе на них смотрели. Ходили упорные слухи, что автобусы – дело рук наших местных политиков. Даже озвучивались конкретные имена.

Далее все шло по одному сценарию: захват управления СБУ, ОГА при полном бездействии милиции. Милиционеры не стесняясь высказывали свое расположение к новоявленной республике. Рядом с моим домом было отделение милиции, так его сотрудники и люди с георгиевскими ленточками просто дружили семьями. Последние в милицию приезжали как к себе домой, вместе с милиционерами дружно сидели на лавочке, беседы разговаривали, семечки лузгали и мороженое кушали. Позднее стали проводить совместные рейды – как влюбленные парочки, вместе ходили по городу.

Областную госадминистрацию, как и все остальные государственные учреждения, сдали по-тихому. Эта донецкая пародия на киевский Майдан под ОГА напоминала больше театр абсурда, чем что-то реально угрожающее. Советские бравые песни, красные флаги и церковные шествия, никому не нужные шины, колючая проволока, зачем-то снятая брусчатка, костры в апреле. Жутко вопящие в рупор безумные женщины. И конечно, телевизор, показывающий передачи российского телевидения. После захвата ОГА переименовали в «Дом правительства ДНР», и на боковом входе теперь красовалась надпись «made in Russia». Видимо, это был знак качества новоявленной «Донецкой республики». Поначалу местные жители с опаской обходили этот «шоу-рум», этот оплот прогрессирующего социализма. Потом просто перестали обращать внимание.

Рядом по-прежнему по бульвару Пушкина гуляли мамочки с колясками, кафе были заполнены. Город по инерции продолжал жить своей привычной сытой жизнью. Это была последняя мирная весна Донца. И эта последняя мирная весна была очень красивой. Город, и так всегда зеленый, просто благоухал ароматами – сирени, тюльпанов, пионов и, конечно, роз. Все обращали внимание на большое количество беременных женщин. Возможно, в предчувствии надвигающейся беды они особенно бросались в глаза.

После появления «Дома правительства ДНР», выбирая свой маршрут передвижения по городу, я его планировала так, чтобы по возможности обходить новоявленный донецкий «Смольный», обвешанный красными флагами и триколорами. Я для себя решила, что если я их не буду видеть, то этот нарыв на теле нашего города как-нибудь рассосется. Да, если честно, я их и немного боялась, как совершенно чуждую и инородную среду для меня.

Но однажды я решила убить в себе раба, точнее, страх перед этими новоявленными «донецкими революционерами», поскольку у меня эти люди с георгиевскими ленточками, машиной времени перенесенные из нашего советского прошлого в наше странное настоящее, вызывали только чувства содрогания и брезгливости – и пошла посмотреть злу в глаза.

Глубоко в толпу, стоявшую у бывшего ОГА, заходить я не решилась, пристроилась сбоку. Но долго созерцать это действо я не смогла. С меня хватило дамы, которая вещала в рупор: «Товарищи!!! Не отдадим нашей свободы. Звоните своим друзьям». Я просто спинным мозгом почувствовала ее налакированную прическу с начесом в лучших советских традициях и услышала голос председателя профсоюза. «А кто ее отбирает – вашу свободу?» – подумалось мне, но это был очередной риторический вопрос в моем бесконечном списке риторических вопросов.

Людей было немного, но и сказать, что их совсем мало – тоже было бы неправдой. Толпились стайками мальчики в спортивных костюмах, судя по внешнему виду, из пригородов Донецка. Раньше обычно они все съезжались в центр города на массовые гулянья. Но в целом все было относительно спокойно.

Как-то мы с мамой проезжали в автобусе мимо ОГА, уже обнесенного шинами и колючей проволокой. Рядом сидел мужчина, он всю дорогу повторял: «Они не понимают, они не понимают». Речь его была с заметным акцентом. Мама с ним разговорилась. Мужчина оказался то ли из Боснии, то ли из Сербии, и одну войну он уже пережил...

В надвигающуюся на нас беду верить отчаянно не хотелось. Но тучи Мордора² уже накрыли город.

В какой-то момент на центральной улице Артема появился баннер: «Мужики! Все на защиту родной земли! Не допустим фильтрационные лагеря нацистов в Донбассе!». Баннер был не в единичном экземпляре. Происходящее в городе порой напоминало съемки малобюджетного боевика про африканскую республику. По этой же центральной улице, как всегда вылизанной, с ухоженными цветниками, по которой обычно ездили преимущественно дорогие машины, мимо мчалось что-то типа старой открытой «нивы», заполненной людьми в камуфляже и в солнцезащитных зеркальных очках. Все это действо сопровождала какая-то жуткая мелодия, звуком сносящая все вокруг. Машина пронеслась, и дальше шла обычная жизнь: привычные «мерсы» и «порши», распродажи, мамы с колясками, велосипедисты на идеально выкрашенных велосипедных дорожках.

Город был полон разными настроениями. Я хорошо запомнила одну историю... Уже началось шоу под ОГА. Я ехала домой в переполненном троллейбусе. Рядом со мной классическая «люрексово-стразовая» донецкая девица громко кому-то рассказывала по телефону о том, что создана Донецкая республика и ее надо защищать. Девицу поддержал мужчина пенсионного возраста с лицом «донецкого революционера». Все остальные пассажиры напряженно молчали. Я, зная общие настроения, тоже молчала, поскольку уже давно ввела привычку не вступать ни в какие политические диалоги. Однако в этот раз моя природная любознательность взяла верх, и я поинтересовалась у девицы: «Какие цели у Донецкой республики?» Девица посмотрела на меня с недоумением, слово «цели» явно не отягощало ее юную голову, и сказала: «А я в Россию хочу, у меня папа там – россиянин». И тут, к моему глубокому удивлению, троллейбус просто слился в ответе: «Хочешь в Россию, вокзал рядом». Троллейбус как раз направлялся в сторону железнодорожного вокзала. За девицу вступился пенсионер с лицом «донецкого революционера», назвал меня «нацисткой», приехавшей из Тернополя. Меня отбили всем троллейбусом. Больше всего запомнился мужчина преклонного возраста, который спокойно подвел итог: «Мы тут все понаехали».

² *Мордор* – страна Тьмы в Средиземье, к востоку от Андуина, где живут орки и урхи – служащие злу твари. (Источник: Дж. Толкиен. Властелин Колец.)

В общем, все происходящее тогда в городе было настолько нереально, что, кроме недоуменно-нервного смеха, зачастую вызвать ничего не могло. Эти странные люди с георгиевскими ленточками, какой-то ужасный «народный губернатор» Губарев, жуткий флаг жуткой «Донецкой республики». «Кто все эти люди?» – этот вопрос в недоумении задавала не одна я. Хорошо помню свой саркастический пост в *Facebook*'e, который, к моему ужасу, стал пророческим. Пост был о перспективах прекрасной жизни в новой «Донецкой республике».

«Форма одежды у девочек – люрексново-стразовое ультра-мини и шпилька пятнадцать сантиметров. Каблук меньше пятнадцати сантиметров – ниже достоинства гражданок „Донецкой республики“. Форма одежды мальчиков – спортивный костюм, летом – боксерские трусы и майка. Обязательное дополнение к одежде – георгиевская ленточка. Любимые праздники – 1 Мая, 7 Ноября при условии обязательного посещения храмов. Ну, с нашими заводами и шахтами все понятно: их сохраняют в том историческом состоянии, что и 150 лет назад. Основной лозунг – „Хлеба и зрелищ!“ – внутриконтинентальный турнир „Донецкой республики“ по футболу. Что еще? А-а, культурная жизнь – „Изоляция“. Нет, „Изоляции“ не будет, ее ликвидируют. Это и понятно – „Изоляция“ проповедует европейские ценности, не совместимые с высокой донецкой духовностью», и так далее.

«Изоляция» – так называлась модная культурная институция, расположенная в помещении старого завода, в рамках которой проходили выставки современного искусства. Я хорошо запомнила шумное открытие проекта – Цай Гоцян «1040 м под землей». Красивые и радостные люди, шумный фуршет до полуночи.

«Изоляция» со своими книжными магазинами и кафешками была очагом современной жизни, абсолютно не местечковым по своему содержанию. Именно сюда приезжал Ходорковский после своего освобождения. «Изоляцию» я не очень любила, сама даже не знаю почему, но она всегда пользовалась популярностью у местной творческой молодежи, которой было в городе-миллионнике немало.

Мой пост оказался пророческим очень скоро, не прошло и месяца, как «Изоляцию» экспроприировали под склад оружия новые «хозяева жизни».

В чем я ошиблась в своем пророческом тексте, так это в форме одежды людей с георгиевскими ленточками. Это были не спортивные костюмы: георгиевскую ленточку носили преимущественно люди в камуфляже и с автоматами. Да и заводы с шахтами никто особо не соби-

рался поддерживать даже в том состоянии, в котором они ныне пребывали. Их расстреливали из «Градов».

Референдум я помню плохо. Никто из моих знакомых, с которыми я сохранила общение в то время, туда не ходил. Он в моей памяти слился со всеми другими, со страхом ожидаемыми выходными днями и многочисленными праздниками мая. 1 Мая, 9 Мая, референдум – все они проходили по одному сценарию. По городу бегали «орки» с триколорами, захватывалось очередное государственное учреждение, местные прятались. Это уже становилось печальной и еженедельно повторяющейся традицией.

9 Мая один из моих друзей попросил меня сфотографировать небо в Донецке. У него был проект, для которого нужно было запечатлеть небеса в разных городах Украины. Я спустилась во двор. Небо надо мной было сизым и каким-то очень грустно-печальным, как и все происходящее в нашем городе.

Матч-Пойнт

По мере того как настоящая весна вместе с «русской весной» набирали силу, становилось понятно, что беды не миновать. Все с надеждой смотрели на «самого уважаемого человека в городе» – владельца заводов, пароходов и стадионов, заглядывая ему в рот в ожидании, что же он скажет. Как мне потом объяснили знающие люди – не настолько был и всемогущ этот «самый уважаемый человек в городе», он оказался всего лишь вершиной айсберга, и под водой скрывалась огромная глыба льда. Но тогда я, как и все остальные простые смертные обыватели города, все ждала от него какого-то внятного слова. Его авторитет в городе был в то время велик.

Думая о тех днях, я всегда вспоминаю фильм Вуди Аллена «Матч-пойнт», в основу которого была положена ситуация в теннисе: мячик попадает на сетку, застывает, балансируя, и от того, куда он упадет, зависит победа того или иного игрока. В ситуации с Донецком «самый уважаемый человек в городе» и был таким теннисным мячиком.

Власти бездействовали, милиция на наших глазах сдавала одно за другим государственные учреждения. «Орки» бегали по городу. Мир вокруг меня раскалывался. Встречаясь со старыми знакомыми, ты осторожно прощупывал, на чьей они стороне. «Не своих» старался избегать. Даже ранее здоровые люди вдруг начинали нести жуткую околесицу про сланцевый газ, про Америку, нападающую на нас, «Правый сектор» и пресловутых 800 «бандеровцев», которые ехали и ехали резать благопристойных жителей Донецка, только все никак доехать не могли.

Я помню свое состояние шока после посещения Горловки. С этим городом были связаны лучшие воспоминания детства.

Там когда-то жила моя бабушка – на красивой улице с названием «Физкультурная», которая упиралась в стадион. Мне она всегда напоминала старую Англию. Дома еще строили пленные немцы после войны. Это были коттеджи с парадным и черным ходами, с палисадниками, полными цветов. Здесь жила техническая интеллигенция. Мой дедушка был в свое время главным технологом крупного машиностроительного завода. Он умер еще до моего рождения. Бабушка, как и все наши соседи, была давно на пенсии. Все они – очень чинные, вежливые – называли друг друга по имени-отчеству. По вечерам гуляли в старом парке, который заложил еще до революции заводчик Горлов. Раньше, оказывается, было так положено. Построил завод – заложил парк. Бабушка жила в большой квартире с высокими потолками. У меня там была отдельная комната, мое царство. Я хорошо помню: круглый стол, скатерть с бахромой, гобелен на стене, старый кожаный диван, на котором я читала заповедь. У нашего соседа Николая Корниловича была отличная библиотека с книжными полками до потолка. Он великодушно позволял мне брать свои книги.

Горловка – это часть моего классически счастливого детства, теперь уже оставшегося только в отголосках моей памяти. Бабушка давно умерла, дом мы продали.

А после обстрелов лета 2014 года я даже не знаю, осталось ли вообще что-нибудь от улицы Физкультурной.

Я по делам бывала в Горловке уже после бабушкиной смерти. На автовокзале расположилась кофейная точка – такой семейный бизнес. Муж с женой купили хороший кофейный аппарат и варили кофе. Очень милые и интеллигентные люди, уже в возрасте. Надя, так звали хозяйку, всегда была со вкусом одета, приятна в общении. Более вкусный кофе, чем в этой забегаловке на горловском автовокзале, я не пила нигде и никогда в жизни. И поэтому, приезжая в Горловку, я первым делом направлялась туда.

И вот этой мятежной весной я еду в Горловку по своим делам. На выезде из Донецка стоял уже блокпост, он был тогда еще украинский. На подъезде к Горловке над блокпостом

развевался сине-черный триколор «Донецкой республики». Вокруг него ходили подростки в балаклавах.

Приезжаю на автовокзал и по традиции иду пить кофе. И эта удивительная Надя с горящими глазами начинает мне рассказывать, что Горловку нужно защищать, что на нее хотят напасть. «Кто?» – в недоумении спрашиваю я, прикинувшись дурочкой. Я ожидала услышать очередную песню про «бандеровцев». Но я ошиблась. На Горловку планировала напасть – Америка. Быстро проглотив свой кофе, я еще быстрее ретировалась. В этой безумной женщине с горящими глазами, рассказывающей мне, что нужно срочно спасать неликвидные шахты и заводы Горловки от ужасных американцев, – я с трудом узнавала милую интеллигентную Надю.

На обратном пути, подъезжая к Донецку, тогда еще с украинским флагом над блокпостом, я с облегчением подумала: «Наши».

Так мир делился на «своих» и «не своих», на «наших» и «не наших». Тогда он еще делился по цвету символики. Позднее стало понятно, что это разделение имеет множество различных оттенков.

К моему огорчению, в этот тревожный период много моих старых близких знакомых оказалось в лагере «не наших». Для меня большая загадка, как так могло получиться, что мы, практически одноклассники, выросшие на одних и тех же фильмах и книгах, слушавшие одну и ту же музыку, примерно одного социального статуса могли видеть настолько по-разному одни и те же события и факты.

Многих из них, тогда весной громко кричащих: «Референдум и точка», – я потом неоднократно встречала в Киеве. Там они не просто спокойно появлялись на модных арт-тусовках – они были активной частью культурного пространства Украины. И я далека от мысли, что только одна знала об их истинных политических взглядах. К этим людям у меня вопросов не было, они всегда были там, где платили. У меня были и есть вопросы к украинскому так называемому «бомонду»: неужели его представителям настолько все равно, кому пожимать руки? Это был, понятно, очередной риторический вопрос в моем бесконечном списке риторических вопросов.

«Своих» той мятежной весной я находила через *Facebook*. На долгое время он стал моим окном в мир.

По мере того как наша тревожная «русская весна» набирала обороты, даже я, так любившая декаданс, глубоко аполитичная и асоциальная, поняла: с дивана надо встать и нужно что-то делать.

И в один прекрасный момент, когда точка внутреннего кипения была пройдена, все «свои» стали объединяться. Так я узнала «свой» Донецк.

Знакомство это произошло на первом проукраинском митинге. Его собрали за ночь по социальным сетям. Клич бросили какие-то девочки-студентки. Нас пришло несколько тысяч. Митинг состоялся около храма Архангела Михаила. Для меня это место было совсем родным: напротив стояла любимая школа, в которой я когда-то училась, – старая и довоенная, бывшая мужская гимназия, пережившая уже одну войну.

За эти два года я испытала множество различных эмоций, как хороших, так и разных. Но чувство бесконечного счастья, которое охватило нас на этом первом спонтанном, собранном за ночь митинге, я не забуду никогда. Нас было МНОГО – красивых, молодых, умных, европейски одетых, нас МНОГО, а значит – мы победим. Эйфория и предчувствие скорой победы овладели всеми. Был теплый вечер ранней весны, подсветка собора освещала желто-голубые флаги, нас приветствовали проезжающие машины. Ультрас «Шахтера» пели «Червону руту».

Когда я вспоминаю тот день, я до сих пор не могу поверить в то, что таким, как тогда, город уже не будет, не будет никогда. Но еще трудней мне понять, как вообще могло случиться то, что произошло потом, как кошмарный сон мог стать реальностью. И мне до боли обидно за всех нас, таких счастливых, теплым весенним вечером стоящих под украинскими флагами

около моей старой и любимой школы. Сердце сжимается от боли за город моего классически счастливого детства и беззаботной юности. За город, в котором прожили счастливую и полноценную жизнь мои родители и множество других достойных людей. Когда я вспоминаю тот день, я не могу сдержать слез бессилия.

Их было много потом – проукраинских митингов. Уже ставший историческим флешмоб в аэропортах страны, когда оркестры исполняли «Оду к радости» Бетховена. И Донецкий аэропорт был в том числе. Донецкий аэропорт, который через несколько месяцев приобретет мировую славу и превратится в национальный миф.

Огромный и, как всегда, полупустой аэропорт, музыкальные инструменты, музыканты, неожиданно появившиеся в холле, торжественная музыка. «Ода к радости» у меня всегда вызвала ассоциацию с фильмом Тенгиза Абуладзе «Покаяние», когда на фоне прекрасной музыки симфонии Бетховена зритель видит счастливое лицо палача и казнь художника. Я часто вспоминала этот фильм той мятежной весной. Почему-то у меня возникла стойкая перекличка наших событий с той страшной эпохой ломки человеческих судеб.

Я хорошо запомнила митинг на площади Ленина, когда все спасались под большим украинским флагом, а в нас со всех сторон летели яйца, бутылки и петарды. А нам было не страшно – этот большой развернутый украинский флаг служил нам убежищем, очень символичным, как нам тогда казалось. Мы стояли под флагом и пели гимн Украины, к моему удивлению, многие люди знали слова. Кругом слышались приветствия: «Слава Украине!» – и в ответ звучало гулкое: «Героям слава!»

Флешмоб в Донецком аэропорту

Митинг на площади Ленина

После митинга этот огромный «жовто-блакитный» флаг, покрывавший собой практически всю площадь, спрятали и позже неоднократно устраивали с ним флешмоб. Его периодически разворачивали на площади Ленина и снова прятали в здании «Сбербанка России», располагавшемся здесь же на площади. Это мероприятие было не безопасным. Поскольку даже просто ходить в одиночку с украинским флагом было рискованно. Да и не в одиночку тоже.

«Ира, ты где? Показывают, как избивают людей с украинскими флагами», – то и дело раздавался взволнованный звонок моей мамы.

Агрессивное меньшинство держало город в напряжении, власти бездействовали. Многие митинги отменялись практически перед началом. «Митинга не будет – возможны провокации», – передавалось по социальным сетям.

Переломным в нашем ремейке фильма «Матч-пойнт» стал митинг 13 марта. На площади стояли стенка на стенку два митинга, как две армии под разными флагами. «Орки» с триколорами. Они сгруппировались вокруг памятника Ленину. Некоторые из них, как обезьяны, болтались на памятнике, выкрикивая что-то злобное. Напротив расположилась наша «жовто-блакитная» армия, растянув перед собой, как щит, украинский флаг. Между «армиями» находилась милиция. «Орки» были, как всегда, агрессивны, в нас летели яйца, бутылки. По окончании митинга меня увезла подруга на машине, и концовку я не увидела.

Митинг закончился кровавым побоищем. Милиция расступилась, и «орки» пошли в нападение. В результате этой бойни погиб совсем молодой парень – Дмитрий Чернявский. Его зарезали «орки». Это была первая смерть человека на улицах города с начала наших страшных событий.

После этой смерти все ждали, что скажет «самый уважаемый человек в городе». Он, как обычно, выступил с речью на местном телевидении и произнес, как всегда: «Ребята, давайте жить дружно, давайте уважать противоположную точку зрения».

И мячик упал... упал на нашей стороне поля. Свой матч мы проиграли.

Потом были еще митинги, нас, «своих», выходило по-прежнему много, машины приветственно гудели нам, украинские флаги гордо развевались. Но изменить было уже ничего нельзя.

Уже позднее, странным летом 2014 года, гуляя по пустынным улицам вымершего Донецка, окутанного войной, я обратила внимание на надпись на памятнике, помпезно когда-то подаренного городу его «самым уважаемым человеком». Она гласила: «Мы живем в очень в хрупком мире, будущее которого в наших руках. Каждый может сделать этот мир лучше. Постарайтесь представить его в перспективе». И я тогда подумала, а задумывался ли когда-то «самый уважаемый человек в городе» и его окружение о наших общих перспективах в перспективе... Вопрос как всегда был риторическим...

Потому что потом была война...

«Зеленые человечки» из соседнего «братского» государства вошли в Славянск, «самый уважаемый человек в городе» бежал в Киев. А в Донецке появились первые чеченцы.

Завтра была война

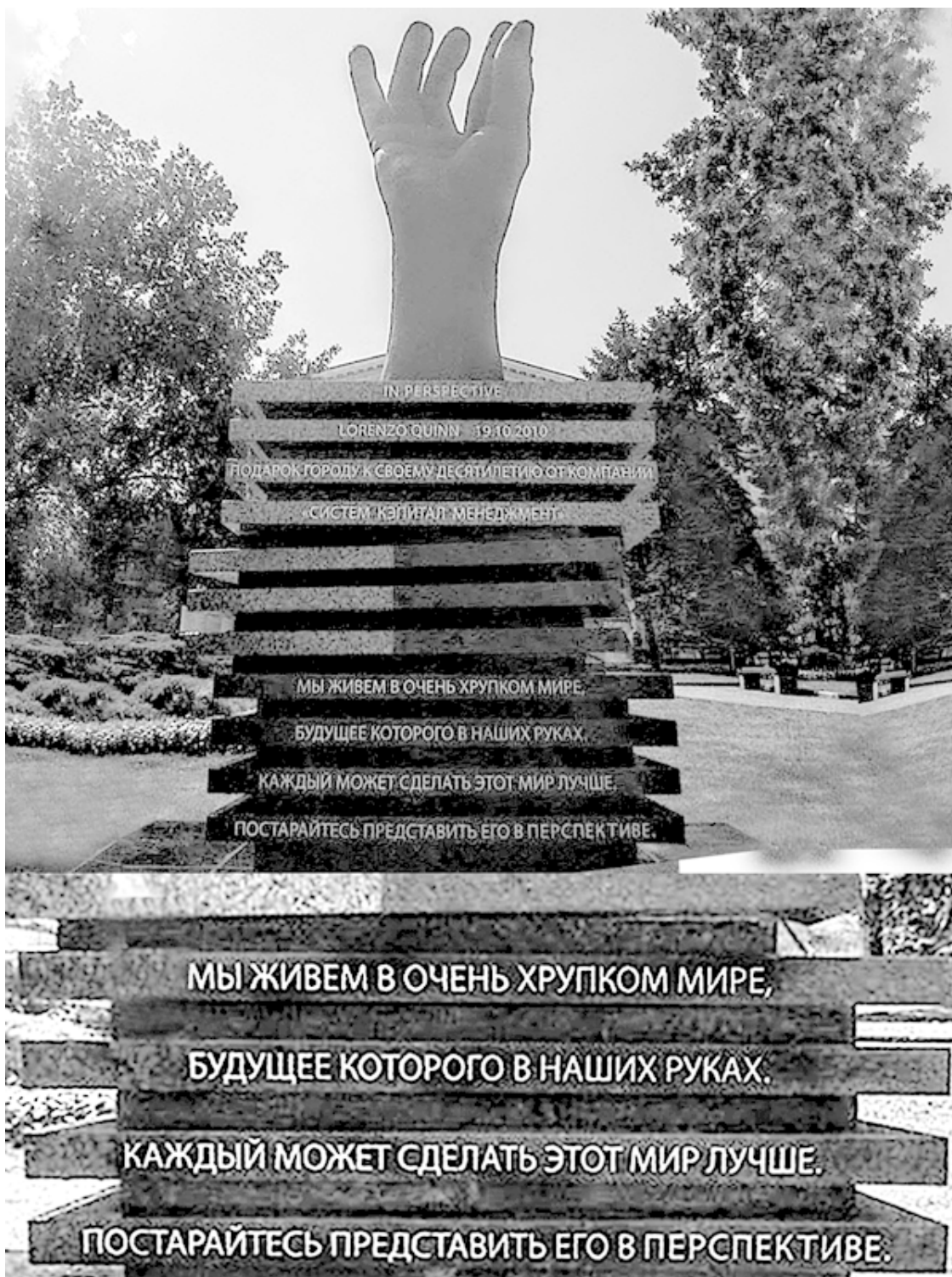
«Завтра была война» – это одна из моих любимых повестей Бориса Васильева. Я помню, как читала ее еще в журнале «Юность». Я даже вижу этот журнал, как будто он сейчас передо мной. Повесть произвела на меня тогда сильное впечатление. Было, по-моему, начало перестройки, перемены витали в воздухе, начинался новый, неизвестный период жизни. Читали мы запоем, особенно ценились толстые журналы – «Знамя», «Новый мир» и, конечно, «Юность», публиковавшие запрещенную во времена Союза литературу. Эта повесть как-то по-особому глубоко тронула меня. Кто бы мог тогда подумать, что слова «завтра была война» когда-то станут частью и моей жизни.

Война ворвалась в нашу жизнь неожиданно. Вначале все происходящее вокруг казалось скорее невероятным, чем очевидным. В реальность свершающегося верилось с трудом.

Я, как и многие, пыталась уйти от действительности в работу, что называется, с головой. За месяцы «русской весны» я подготовила и записала две видеолекции. Мой оператор был человеком противоположных политических взглядов. Мы с ним один раз разругались вдрызг. Он удивленно кричал, зная мое московское прошлое: «Ты за бандер?» Но здравый смысл взял верх, и мы больше к политическим темам не возвращались. У нас было взаимовыгодное сотрудничество. Я обеспечивала его работой, а он мне выдавал качественный продукт за очень адекватные деньги. Для записи лекций я обычно арендовала фотостудию, но на этот раз решила сэкономить и напросилась на стройку к знакомым, я там нашла себе подходящий фон для записи лекции. Был уже конец мая, стройка шла полным ходом, все жили по инерции, в трагический исход событий верить никто не хотел.

Война для меня, как и для многих, началась неожиданно. Ты жил, жил, занимался своими делами, а потом в один прекрасный день – поднял голову, а вокруг тебя уже ездят люди с автоматами. И ты все время хочешь себя ущипнуть и проснуться от этого дурного сна, потому что еще вчера была совсем мирная жизнь.

Помню встречу с первыми «кадыровцами». На перекрестке проспекта Мира (это реальное название улицы) около меня остановился военный джип. Как-то незаметно для нас военный камуфляж уже стал обыденностью. В джипе сидели громадные дядьки с бородами. Одна голова с бородой повернулась в мою сторону, улыбнулась сплошной золотой улыбкой и очень вежливо стала интересоваться, как куда-то проехать. Я в испуге указала куда попало. Потом, когда они отъехали, в моей голове даже мелькнула мысль: «Надо было прокричать им вслед „Слава Украине!“», мысль была вполне осознанной, потому что в реальность происходящего, в реальность этих дядек мой мозг отказывался верить.

Действительность стала осознаваться, когда я поехала к маме на дачу. Дорога проходила через блокпост. Еще пару недель назад его не было. И стояли на блокпосту уже не местные 16-летние пацаны с георгиевскими ленточками и флагами ДНР, одетые в спортивные штаны и балаклавы, как когда-то на бутафорских баррикадах из шин. Это были профессиональные военные с ненашенскими лицами и ваххабитскими бородами, а блокпост был с противотанковыми ежами.

Наш совсем мирный пригородный автобусик, в котором ехали бабки с ведрами, селяне (так моя мама уважительно называет сельских жителей) со своими курицами и петухами, на

блокпосту проверяли люди с автоматами. По внешнему виду они были явными чужаками в этом краю. В Москве такой тип внешности называли «лицами кавказской национальности». Это были уже не улыбающиеся златозубой улыбкой дядьки. Когда на тебя направляют автомат, реальность происходящего осознается намного быстрее.

В автобусе все обсуждали происходящие события. «Нужно слушать только российское телевидение, украинское все врет», – сказала одна из женщин. Украинское видеть было в принципе и негде. На даче, как и в Донецке, принималось практически одно российское телевидение плюс телевидение ДНР. Я по просьбе мамы поймала приемником украинский «Промінь» – услышав звуки украинской речи, мама расплакалась. Я понимала ее чувства, это было очень непросто, когда у тебя отнимают родину.

К нам на огонек зашла соседка. Она, как и многие здесь, была за ДНР. Мама у нее спросила: «А как вы будете жить в Донецкой республике?» Соседка в ответ: «Вон у Ахметова сколько миллиардов, заберем и будем жить...»

Через деревню, в которой находилась наша дача, в сторону Донецка прошла колонна танков под украинскими флагами, через какое-то время она вернулась обратно. Все местные селяне испуганно наблюдали за этими военными телодвижениями, ничего не понимая.

Позднее неподалеку от деревни появился еще один блокпост – украинский. Рядом с дорогой был вкопан танк, его охраняли пятеро солдат. Мама, проезжая мимо автобусом, увидела их, сквозь слезы мне потом рассказывала: «Мальчики, совсем молоденькие, сами себе на костре еду готовят».

Это было только начало, мы еще не знали, сколько слез нам всем предстоит выплакать.

Я хорошо помню день начала военных действий. Я была дома, работала. Где-то высоко над головой слышался шум двигателей. Я помню свой пост в *Facebook'e*: «Надеюсь, это НАШИ самолеты». Мой дом был расположен достаточно близко к району аэропорта, и взрывы, раздававшиеся там, были хорошо слышны. Днем мне надо было по делам в город. Город был пуст, но «Зеленстрой» как всегда исправно поливал и пропалывал газоны. Я даже собиралась пойти на йогу, но троллейбус шел только до середины пути. Водитель сказал: «Дальше не едем. На железнодорожном вокзале война». Я пошла пешком. Только что закончился дождь. Асфальт был мокрый. Вдали гремели взрывы. Их можно было перепутать с грозой. Я проходила мимо ставка. Рыбаки спокойно, как ни в чем не бывало, ловили рыбу. Донецкий сюрреализм только начинался.

Свет был, интернет работал, все обсуждали последние события. Я залезла «по уши» в интернет. Помню, мне еще пришлось успокаивать свою московскую знакомую, которая билась в истерике по ту сторону границы, что нас (Донецк) бомбят, она знает это из российских новостей.

Вот так всю ночь мы сидели в интернете и ждали, что вот-вот, и все закончится, и нас освободят. Я говорю о себе и о «своих» друзьях. Взрывы становились тише... Освобождения в тот день мы так и не дождались.

«Украинские войска приостановили АТО и поставили ультиматум сепаратистам – сдать до 4 утра. В случае отказа АТО будет продолжена», – сообщили нам средства массовой информации.

У меня был открыт балкон, на улице непривычно тихо, к военной тишине мы еще не привыкли, только было слышно, как у кого-то из соседей плакал малыш.

Было 26 мая, и это был только первый день войны в Донецке, именуемой АТО (антитеррористической операцией). Первый день реальной войны, которая пришла в наш город.

ДОНЧАНЕ!
АТО — ЭТО НЕОБХОДИМОСТЬ. НУЖНО ПОТЕРПЕТЬ

**ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ
В ЗОНЕ ПРОВЕДЕНИЯ АТО**

1. ЧТО БЫ НЕ СЛУЧИЛОСЬ - НЕ ПАНИКУЙТЕ
2. БЕЗ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ НЕ ВЫХОДИТЕ ИЗ КВАРТИРЫ
3. НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ СУЙТЕСЬ В ЗОНУ АКТИВНЫХ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ СДЕЛАЕТ УКРАИНСКАЯ АРМИЯ

26 мая – день начала АТО

Я на следующий день по своей любимой привычке совершила пешую прогулку по городу. Город еще не вымер, он испуганно замер, на улицах никого не было. Но пациент был скорее жив, чем мертв. Я купила букет цветов у бабушки на Шахтерской площади. Бабуля продала его за копейки и очень спешила домой, ее пугал комендантский час, который ввели с 20.00, а было уже начало девятого. Никто еще серьезно к этим нововведениям не относился. Я спросила: «А кто ввел комендантский час?» Бабуля мне в ответ: «Ну эти, самозванцы».

После начала АТО из города потянулись вереницы машин. Говорят, только за один день уехали 150 тысяч человек. Страну стали наполнять беженцы из Донбасса. А *Facebook* заполнили посты на украинском языке, написанные как под копирку о донецких и луганских, сидящих в «бандеровском» Львове на всем готовом и люто ненавидящих Украину. Частично это было правдой. С одним «но». Те, кто писал эти посты, не знали психологию донецких и луганских «ватников». Они бы никогда не поехали в украиноязычный Львов, потому что искренне боялись «бандеровцев». Они осели в Днепре, Харькове, Одессе, в крайнем случае Виннице. Эти написанные как под копирку посты были частью информационной войны, которую Украина проиграла. Посты «шарились», их «лайкали». Донецких и луганских люто ненавидели.

В начале июня я по делам съездила в Киев. Из Донецка еще ходили поезда, но в городе уже всю хозяйничали «орки». Я помню, как я лежала на своей полке, и мне казалось, что сейчас поезд остановится, ворвутся «эти» с жуткими полосатыми ленточками и меня не пропустят в Украину. Выдохнула я только в Киеве.

В Киеве на одной из светских тусовок я познакомилась с директором модного киевского лица. От него я выслушала очень много традиционно нелицеприятных и порой очень справедливых слов по поводу донецких. Он, как и многие другие, цитировал слово в слово посты из *Facebook'a* о неблагодарных беженцах из Донбасса. Представление о Донбассе у него было однозначно негативно и достаточно своеобразно. Он считал, к примеру, что, за редким исключением, жители Донбасса никогда не бывали за границей. Я почему-то сразу вспомнила улицы Донецка в мирное время, где основными марками автомобилей были «порше», «мерсы», «ауди», а также, как говорили модные девушки, растягивая гласные: «би эм дабл ю». В Донецке мой визави был когда-то очень давно и проездом.

Правда, он в конце нашей беседы сказал: «Вот видите – мы же смогли найти с вами общий язык». Он был искренне уверен, что вывел меня на истинный путь, и в упор не хотел видеть, что мы с ним были всегда в одной команде. «Своей» я для него так и не стала.

Этот случай не был, как любят выражаться журналисты, прецедентом, он отражал существующие реалии. Я оказалась дамой крайне впечатлительной и ранимой. В свете всех этих тенденций вешать на себя ярлык «переселенца» мне совсем не хотелось. Я приняла решение остаться в Донецке и ждать «своих» до победного. В моей голове ни на минуту не возникла мысль, что «эти», с их жуткими полосатыми ленточками и не менее жуткими триколорами, надолго. Я была абсолютно уверена, что все скоро закончится. Я искренне верила в «нашу» победу.

В Донецке обстановка накалялась. Людей вокруг меня становилось все меньше. Практически все мои знакомые уехали. Я их прекрасно понимала. Дети не должны слышать взрывы, а здесь становилось реально опасно. Мама была на даче. Я осталась в оккупированном Донецке. Поезда уже не ездили. Самолеты уже давно не летали. А паромов у нас никогда и не было. Город окончательно накрыли тучи Мордора.

Я осталась ждать «своих».

Прогулка после начала АТО

Прогулка после начала АТО

Странное лето 2014-го

Донецк пустел на глазах. В какой-то момент я обнаружила, что осталась практически одна в подъезде, не считая несколько пар пенсионеров.

Я всегда хорошо переносила одиночество. Несколько последних лет была «свободным художником» и работала дома, так что мне было не привыкать. Мой режим дня не слишком изменился. Из дома я выходила редко.

Мой дом располагался очень удачно – между двумя большими супермаркетами и модным спортклубом «Спортмакс». На моем внутреннем сленге они назывались: «Мой бермудский треугольник».

Чтобы привлечь хоть каких-то клиентов в опустевшем городе, спортклуб сделал очень выгодные скидки. Я купила абонемент и дрейфовала между спортклубом, домом и супермаркетами. К тому же в «Спортмаксе» была всегда горячая вода. В квартиры давали уже порционно: только по четыре часа.

В спортклуб людей ходило очень мало, точнее, их практически не было, но единицы, те, что остались – ходили постоянно. Даже после серьезных ночных обстрелов утром все были на беговых дорожках. Я подружилась с тренерами. Один из них отлично пел. Тренировки проходили под его сопровождение а капелла. Было весело. В спортзале ты вообще забывал, что происходит за окнами клуба.

В какой-то момент наших страшных событий у меня началась Ван-Гого-мания. Голландские промышленные районы на картинах Ван Гога, очень напоминавшие родные донецкие просторы, его желто-голубые натюрморты так перекликались с событиями, происходившими вокруг меня, и вселяли столько надежды на лучшее, что я стала давать этим картинам свои собственные названия. Позднее к игре «Ван Гог – самый украинский из самых украинских художников» присоединились и мои друзья.

Я работала, постила Ван Гога, придумывая с друзьями новые названия к его картинам, занималась спортом, лопала свои любимые шоколадки *Roshen*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.